

НАСТОЯЩИХ МУЖЧИН

нее сам же и раскрашивал; для меня дома было привычной видеть разукрашенную загримированную рожу, чем обычное лицо человеческое! Я ведь на сцену Художественного театра «выходить» начал едва ли не со дня своего первого шага: мы там болтались постоянно, и нас, как кошек, выметали оттуда всеми возможными способами! А поскольку я родился в семье актеров, то и профессию себе не выбирал, как ее выбирают молодые: мне вроде уже на роду написано было стать актером... Был момент, когда актерами одного театра были одиннадцать непосредственных моих родственников: Ольга Андровская, Николай и Владимир Баталовы, Виктор Станицын, Петр Чернов – это же семья моя. Благодаря которой – тому огромному клану, наводнявшему Художественный театр, – судьба моя сложилась так, что я как-то незаметно для себя, как будто на чужих крыльях, «въехал» и в театр, и в искусство вообще... Я, правда, куда позже понял, каких людей мне судьба рядом поставила! Мне как-то один человек сказал: «Ты – человек неандертальской эпохи».

А насчет комплекса, то тут другой был – тоже гадость, между нами говоря! То я «сын» чей-то, то «племянник»... Я ведь даже в классе-мастерской в Школе-студии МХАТа у собственного дяди учился – у Станицына! И если какое-то мое достижение – «Ну конечно, это его Андровская там научила!» Или – «Разумеется, это они там позвонили, и его взяли...» И у меня было постоянное желание доказать, что я и сам, несмотря на многочисленных своих столбично-академических родственников, чего-то стою.

Во время работы над дипломным спектаклем по рассказам Чехова бывал я, например, у Ольги Леонардов-

ны Книппер – вдовы писателя. И вот отыграли мы спектакль, вышли следом за ней в вестибюль, а она меня отвешала так поманила, улыбается лукаво: «Ну, артист, теперь уж ты меня забудешь... Давай диплом тебе подпишу». Я растерялся, отнекиваться начал: неудобно, мол, получается, что выставляюсь, пусть уж будет все как полагается... Она так пристально на меня посмотрела, и по мере того как я говорил, веселое выражение ее лица сменилось задумчивой грустью: «Неси, дурак: потом поймешь!»

И хоть потом кино меня оторвало от прямого контакта со сценой, своих ребят во ВГИКе я все равно ориентирую всегда на работу в театре. Ведь все, что я за полвека жизни в кино этому кино мог предоставить, это, конечно, все равно МХАТ, школа Художественного театра, люди этого театра, их отношение к роли, к работе... И я рад, что актерской своей работой как бы принял участие в крушении легенды, состоявшей в том, что вот, дескать, есть актеры «театральные», но есть и сугубо «кинематографические». Я-то сам всегда, всю жизнь делал все: репетировал, в кино играл, как учили меня в Школе-студии МХАТа.

– **Ведь и на съемочной площадке вы лет с пятнадцати?**

– Кино у меня вообще могло начаться лет в тринадцать: родители просто не пустили меня сниматься в фильме «Тимур и его команда». Зато позже, когда режиссер Ариштам снимал картину о Зое Космодемьянской, весь наш класс забрали ее одноклассников изображать. И чтобы какую-то фразу произнести, меня вывели: руки-ноги мои окаменели, голос провалился куда-то, выражение лица было – я это прекрасно чув-

ствовал – абсолютно идиотским! Может, потому я потом лет тринадцать в кино не годился?

А на сцену я в самом деле лет в пятнадцать вышел – мы с мамой и братья мои по отчиму, писателю Виктору Ефимовичу Ардову, Миша и Боря Ардовы: мне четырнадцать, они – четырехлетний и двухлетний. В эвакуации скитались в теплушках, искали, где хлеб-картошка подешевле: Бугульма, Свердловск, Чистополь, Камрань... Там мама, актриса Нина Антоновна Ольшевская, в театрах малюсеньких работала, в которых и я декорации таскал, потом мне «Кушать подано!» доверили.

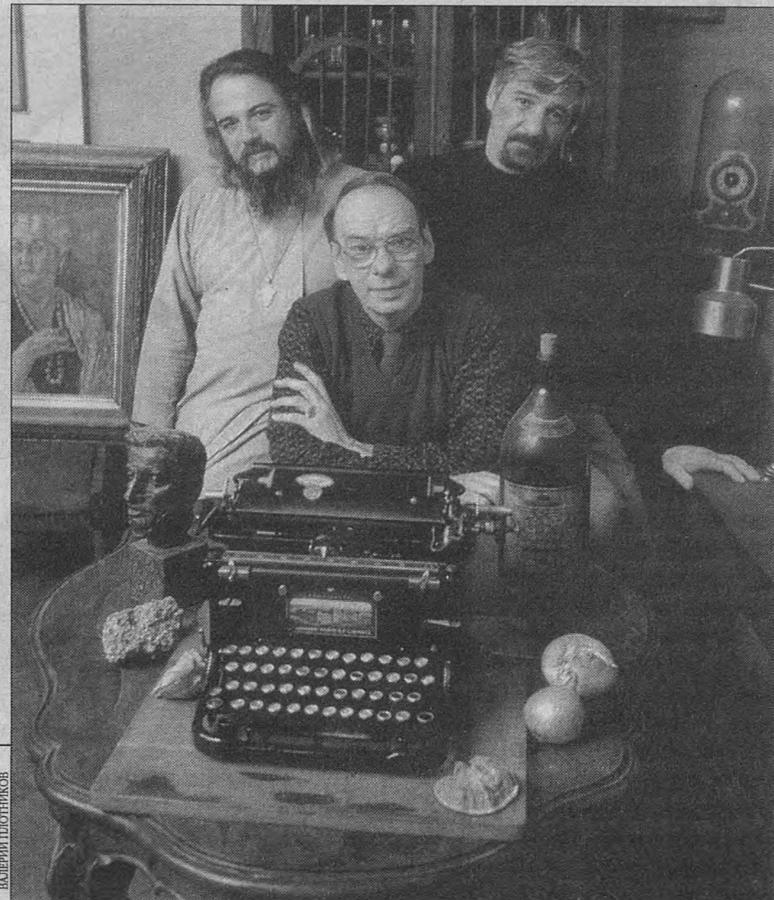
Но дело не в этом; главным в этих тыловых городах были госпитали, в столовых и фойе которых перед тремя-четырьмя койками актеры что-то читали, пели... Смотрел я на этих молодых ребят, у которых рук-ног не было, глаз, иногда половины лица... и для меня это становилось совершенно конкретным олицетворением. Не «кто-то» ТАМ, а вот ОНИ где-то Т А М встали, чтобы ты мог жить!

– **Однажды Баталов Алексей Владимирович эдак категорично заявил: «Все равно я остаюсь мальчиком с войны!»**

– А куда от этого денешься?! Ведь если день моего рождения я ощущаю как «у меня день рождения», то День Победы у всех, абсолютно у всех был днем ВСЕХРОЖДЕНИЯ.

– **Небезызвестная вам Анна Ахматова уверяла, что всех великих мужчин сделали женщины. Кто «сделал» вас?**

– Семья. И женщины, конечно. В том числе и Анна Андреевна. Которая появилась в нашем доме на Ордынке, когда мне было лет восемь: я хорошо это помню, потому что была у меня в то время тяжелая скар-

С братьями – Михаилом и Борисом Ардовыми

латина, потом сердце болело и все такое... Но появилась тетя из Ленинграда, и меня, больного, на другой диван переложили, а она... такая тетя с челкой... на мой диван прилегла. И потом, когда приезжала из Ленинграда, всегда на моем диване лежала...

– **В воспоминаниях писателя Виктора Ардова описывается, как, приехав однажды из Ленинграда в дом на Ордынке и в очередной раз не застав дома «самого положительного героя советского кино», Ахматова невероятно «возмутилась»: «Как и все женщины Советского Союза, я хочу видеть артиста Алексея Баталова!»**

– Ахматова, хоть и сама всегда нуждалась, дала мне денег, чтоб я после армии с головы до ног оделся: у меня же ничего, кроме военной

формы, не было. А я взял и купил подержанный «Москвич» – первый в своей жизни!

– **И по поводу настоящего мужчины, который...**

– А я – мужчина не настоящий, я только роль играл настоящего мужчины. Ведь все поклонницы мои за полвека – они же не мне поклонялись, они моим героям поклонялись: в них влюблялись, им письма писали... Конечно, глупым пижонством было бы сказать, что я всего этого не только не достоин, не замечать должен был, но...

– **А можно под занавес вопрос интимный?**

– Давайте...
 – **Вы сталкивались с фактом, что для своих студентов вы – идеал актера, кумир, может быть, даже?**

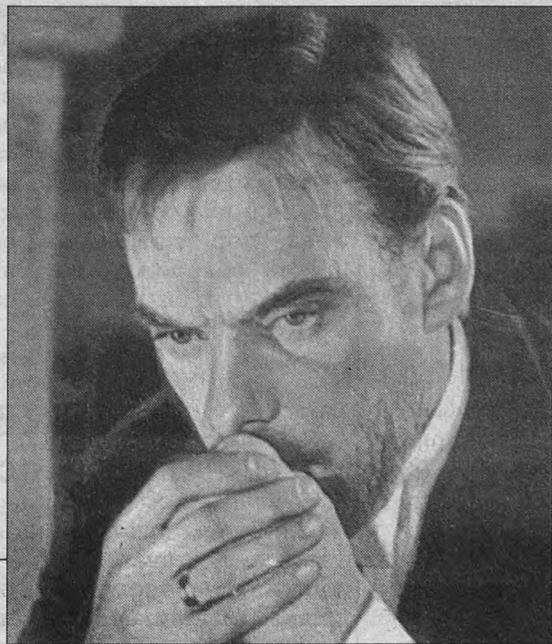
– Понимаешь, у нас с ребятами очень близкие отношения, но, думаю, все-таки они слишком молодые, чтобы меня числить в своих кумирах – у них герои другие нынче. А влюбляются ли они в меня как в педагога... Ну, об этом надо их самих спросить.

– **Что вам помогает быть с собой в ладу?**
 – Любимое дело. И собственная совесть.

Да, он народный СССР, профессор и Герой Соцтруда, лауреат и... Да просто он – БАТАЛОВ. Который за истекшие полвека снялся более чем в трех десятках фильмов, как режиссер «Шинель», «Игрок», «Трех толстяков». Плюс кафедра актерская во ВГИКе... Да, плюс ему огромный за «Ежика в тумане» – любимейший мультфильм, неповторимый.

Он естествен даже с Джинной Лоллобриджидой

Интеллигентный домовладелец Гуров